

Вера Капьянидзе

НА ВОЙНЕ КАК НА ВОЙНЕ

Вера Капьянидзе
На войне как на войне

«Автор»

2013

Капьянидзе В.

На войне как на войне / В. Капьянидзе — «Автор», 2013

ISBN 978-5-532-91431-5

Война... Это целая эпоха в истории нашей страны, которая с каждым годом уходит все дальше. Но люди и в то страшное время оставались людьми. Жили, любили, страдали. К сожалению, об этом мы можем узнать только из рассказов очевидцев, которых остается все меньше. Этим и ценны их подлинные рассказы о том времени.

ISBN 978-5-532-91431-5

© Капьянидзе В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

ВОСКРЕСЕНИЕ	5
ЛЮДСКАЯ ПАМЯТЬ	16
ПЛАТОЧЕК	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вера Капьянидзе

На войне как на войне

ВОСКРЕСЕНИЕ

К военному госпиталю Марта с отцом прибились два года назад. Родом же сами были из Энгельса – бывшей столицы автономной республики поволжских немцев. Получилось так, что в феврале 41-го два младших брата Петра, прослышав, что немцев, как неблагонадежных, будут переселять в Казахстан или в Сибирь, не дожидаясь депортации, уехали сами в Орджоникидзе (сейчас г. Владикавказ). Им было проще. Один был еще не женатый, а второй, хоть и женат, но детей по какой-то причине не было. Старшему – Петру ехать было не с руки. Трое детей мал-мала меньше. Старшей Марте только исполнилось 10, а младшенькому Иоганну еще и трех не было. Да родителей престарелых и хозяйство не на кого было оставить, а поручить все одним махом рука не поднималась. Еще была причина, наверное, самая главная по которой Петр не мог сорваться вместе с братьями. Он был глухонемой. Хоть и работающий был мужик: и дом на окраине Энгельса содержал в исправности, и хозяйство небольшое: куры, козочка, да барашек, а вот специальности из-за своего порока так никакой и не получил. Работал истопником при школе. Потому и решили, что для начала поедут младшие братья. У них как-никак и специальности есть: оба закончили школу ФЗУ¹: один токарь, другой каменщик – всегда работу найдут. Приглядятся, может, и для Петра какую-нибудь работу подыщут. Много уже в те края к тому времени уехало и родни и просто знакомых.

А в мае братья письмо прислали, чтобы собирал Петр семью и родителей и перебирались в Орджоникидзе. Писали, что оба уже работают, что край здесь богатый и сытый. Фруктов разных много, а хлеб все едят только белый. И люди хорошие, приветливые. Но и тут не поверил Петр, решил для начала своими глазами посмотреть на этой рай. «Не может такого быть, чтобы в одной стране одни голодают, а другие живут и горя не знают», – объяснял он жене. А чтобы ему в дороге было сподручнее, взял с собой Марту – вместо переводчика.

Война застала их в Орджоникидзе. Тут уж было не о переезде думать, а как бы назад, домой добраться. Братья поначалу отговаривали Петра. Дескать, может это все не надолго, закончится война, тогда и поедете, но Петра было не отговорить. Да и как отговаривать, когда там остались жена с детьми, да престарелые родители. И отправился Петр с Мартой в обратную дорогу.

Но добраться с остановками и пересадками смогли только до Сталинграда. Дальше было не проехать. На фронт нескончаемым потоком шли и шли военные эшелоны, а в обратную сторону – составы с эвакуированными заводами. При таком графике пробиться на гражданский состав не было никакой возможности. Так и застряли в Сталинграде.

Пока ехали, да толклись на вокзалах, пытаясь сесть хоть на какой поезд в сторону Энгельса, поиздержались до нитки. Пришлось идти подрабатывать по окрестным деревням: кому дров наколоть, кому забор подправить, кому сарайчик слепить... Но людям было уже не до хозяйства – война диктовала свои условия выживания.

Ох, и хлебнули лиха Петр с Мартой! Дошли до того, что побирались «за Христа ради», чтобы выжить, а для ночлега обжили уголок в подвале дома недалеко от вокзала. В сентябре до Петра дошли слухи, что немецкую автономную республику ликвидировали, а немцев переселяют. Совсем у него опустились руки. Не знал, что и делать. Домой ехать – непонятно к чему

¹ Школа ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества.

приедешь. Может, там уже и нет никого. И здесь оставаться небезопасно: до первого патруля. Проверят документы, и загребут, как уклониста, или диверсанта. Так и ходил побираться с оглядкой, и от всех военных шарахался, как черт от ладана. И только в ноябре, когда Марта заболела, и уже не выходила из подвала, кашляла не переставая, Петр решился. Повел он Марту в ближайший от вокзала госпиталь. «Если и арестуют меня, то, может, Марту при госпитале оставят, вылечат. А нет, так хоть в детдом пристроят, все с голоду не помрет», – рассудил он.

На его счастье главврач оказался человеком добрым – не стал сдавать их в НКВД. А ведь в те суровые времена, да еще по законам военного времени и ему самому за такое могли запросто пришить статью за пособничество врагам народа, или шпионаж в пользу воюющего государства, или чего доброго – организацию групповой диверсии. Не побоялся, пожалел измученных лихолетьем людей. Только фамилию им сменил, чтобы, как положено, поставить на довольствие. И стали они вместо Губеров – Безродными. Петра оформили санитаром, и комнатку при котельной выделили для жилья. Марту, конечно, по малолетству, оформить и поставить на довольствие нельзя было, но голодными теперь не сидели. Мужских рук в госпитале не хватало, и очень скоро Петр Иванович стал в госпитале незаменимым человеком. И сантехнику починить, и по плотницкому делу, и проводку наладить. За все брался, не гнушался никакой работой. За то сердобольные женщины и совали ему «для Марточки» кто кусок хлеба, кто сахарок, а кто и банку тушенки. Да Марта и сама не сидела без дела. Помогала отцу, медсестрам, да еще на кухне, и в прачечной успевала. Да мало ли было работы в военном госпитале! Одних только-только подлечили, да на ноги поставили, а на их место уже втрое больше поступило. Война, как огромная мясорубка без устали молола и молола человеческие тела и судьбы.

– Маша! Маша! – в сестринскую, громыхая ботинками не по размеру, ворвалась тщедушная девчонка лет тринадцати в таком же – не по размеру белом халате, подпоясанном бельевой веревкой. Война не была рассчитана на детей. Ее белобрысые волосенки, заплетенные в две жиденькие косички, в которые вместо бантов были вплетены бинты, делали ее похожей на мышку. Лицо, густо усыпанное веснушками, было залито слезами.

– Да тише ты, скаженная! – шикнула на нее пожилая санитарка Зоя Петровна, сматывающая за столом стиранные бинты. – Дай человеку поспать. И так всю ночь просидела над своим Васильком. Под утро только и прилегла, а ты тут грохочешь... Что стряслось-то?

Марта смутилась и, хлюпая носом, зашептала на ухо Зое Петровне:

– Там... Это... Капитана Машиного в мертвецкую понесли.

Зоя Петровна замахала на девчонку руками:

– Да что ты, милая! Спутала, наверное, с кем-то. Маша вон под утро пришла, говорит, что полегчало ему, температура, вроде как спала, никак на поправку пошел.

– Ничего я не спутала, – обиженно шмыгнула носом Марта, – что же я Машиного капитана не узнала бы? Он это, из девятой палаты.

– Ах, горе-то какое! – запричитала вполголоса Зоя Петровна, – значит все-таки преставился.

Из-за брезентовой занавески, отгораживающей кровать, где отдыхали медсестры, если выдавалась свободная минутка, слышалось:

– Ну что вы там шепчетесь? Все равно уж разбудили. Что случилось-то? В операционную, что ли вызывают?

Зоя Петровна переглянулись с Мартой, не зная, как сообщить Маше страшную новость.

В декабре сорок второго в госпиталь прибыла очередная партия раненых. Василия Наумова, капитана с осколочным ранением в ногу, Маша сразу выделила из всех. С первого взгляда ей приглянулся смуглолицый капитан с зелеными озорными глазами. В них так и носились бесенята, зажигая сумасшедшинки и смешинки. Им подстать, он и сам был такой же весельчак

и балагур, несмотря на тяжелое ранение. Даже седая прядь в иссиня-черных буйных кудрях не делала его серьезней. Он никогда не жаловался, не капризничал, шутил по любому поводу. И только искусанные в кровь губы, да побелевшие костяшки пальцев, сжатые в кулаки показывали, как тяжело ему давалась тяга к жизни.

– Да это я просто перед тобой хорохорился, – признался он позже Маше. – А то здесь вон сколько женихов! Надо было чем-то соперников отбить от тебя. Ничего, вот подлечусь и украду тебя из госпиталя. Мне бы только до весны дожить.

– А что будет весной?

– Весной? Я загадал. Если доживу до весны, значит, встану на ноги. А танцевать на свадьбе можно и на протезе, правда?

– И на чьей это свадьбе вы собрались танцевать, товарищ капитан?

– Как на чьей? На нашей!

А положение у капитана было совсем нешуточное. С самого первого дня встал вопрос об ампутации, но Иван Семенович – старый и опытный хирург пожалел молодого капитана, и решил все же оставить ему ногу.

Осенью сорок первого года Маша должна была пойти учиться на третий курс Медицинского института, а вместо этого, она, как и все ее сокурсники, написала заявление в военкомат. Так она и попала в госпиталь. Медперсонала не хватало, и очень скоро Маша уже ассистировала Ивану Семеновичу на операциях. Она-то и упростила его не ампутировать ногу, обещая что сама будет следить за лечением. И действительно, она каждую свободную минуту бегала к своему «Васильку», как шутливо прозвали его медсестры. Сама делала уколы, проверяла пил ли он таблетки, измеряла температуру, вывозила на коляске на прогулки. Вот тогда-то между ними и проскочила искра, которую уже ничем невозможно было затушить. Эта искра счастья загоралась в Машиных глазах, при взгляде на Василия. Эта искра зажигала румянцем ее щеки от нечаянных прикосновений его рук, губ...

– Ты девонька, не забивала бы себе голову этой любовью, – наставляла ее чуть не каждый день Зоя Петровна, взявшая над ней негласное шефство, – вот кончится война, тогда и будете любиться. А с этим-то что? Вылечится, да и поминай, как звали. Только сердце себе надорвешь.

Лечение шло тяжело, и, в конце концов, Иван Семенович все же принял решение ампутировать ногу. Но было поздно. После ампутации у Василия началась гангрена...

– Это я, я, я его убила! – билась в истерике Маша.

– Ты что такое несешь, девонька? – безуспешно пыталась успокоить ее Зоя Петровна. – Тут каждый день столько помирает, если за каждого на себя вину брать, так уж лучше и не жить.

– Это я уговорила Ивана Семеновича, чтобы ему ногу не ампутировали. О себе тогда думала, не о нем...

– Так, нам самим не справиться, беги за врачом, – скомандовала Зоя Петровна плачущей Марте, забившейся в уголке.

– За каким? – растерянно всхлинула Марта.

– Да беги уже! – прикрикнула на нее Зоя Петровна. – Какого найдешь.

Пришел Иван Семенович.

После укола, Маша затихла.

– Сейчас пусть поспит, а как проснется, проводите ее кто-нибудь домой. Дома и стены лечат. Увольнение ей даю на сутки. Пусть придет в себя.

И уже в дверях добавил:

– Твоей вины нет, девочка. Это я, старый дурак, должен был предусмотреть все варианты.

Домой Маша не попала. Несмотря на раскаты неутихающих боев, которые с каждым днем становились все слышнее, за окном госпиталя бушевала весна, задыхаясь от запаха цветущих садов и сирени. А у Маши в груди, там, где билось ее истерзанное сердце, рос и рос холодный бездушный сугроб, знобя ее безвольное тело и леденя душу.

– Это нервный срыв, – беспомощно разводил руками Иван Семенович, приходивший навестить ее. – Ничего не сделаешь, надо ждать...

И вдруг откуда-то повеяло таким родным и знакомым с детства теплом.

– Мамочка, – выбираясь из двухдневного беспомыслия и бреда, прошептала Маша, – это сон?

– Нет, девочка, – приглаживая Маше растрепавшиеся волосы, вздохнула мама, – Завод наш срочно эвакуируют. Вот меня и отпустили на четыре часа вещи собрать. Да вот к тебе еще забежала проститься.

– А папа?

– Да куда же ему? На нем цех.

Маша прижала к щеке мамину руку и заплакала:

– Что же я натворила!..

– Я все знаю. Не мучай себя, доченька, видно, чему быть, того не миновать. Ничего, мы все пересилим. Надо держаться и жить.

Мама смахнула слезы:

– Ну, поплакали, а теперь давай-ка я тебя причешу, а то залежалась ты что-то.

Мама помогла Маше сесть, вынула гребешок из своих волос, и принялась расчесывать дочку, приговаривая, как в детстве, когда Маша капризничала:

– Расчешу, причешу, все Машины беды вычешу.

Потом заплела ей тугую косу и подергала за кончик:

– Расти коса до пояса, не вырони ни волоса!

Маша невольно улыбнулась:

– Мам, ты со мной, как с маленькой.

– Ты и есть для меня маленькая. А теперь – умываться.

Мама подвела ослабевшую Машу к раковине и сама умыла:

– Куда вода, туда и беда!

Они проговорили почти час, когда мама, взглянув на ходики в сестринской комнате, тяжело вздохнула:

– Ну, мне пора.

– Мама, а куда вас эвакуируют?

– Пока не знаем. Говорят, что куда-то на Урал. Как прибудем на место, я тебе сразу напишу.

Через день Маша отпросилась у Ивана Семеновича, чтобы съездить на могилку к Василию. Она прихватила с собой Марту, которая одна и была на его похоронах. Зоя Петровна специально послала ее с похоронной бригадой, чтобы потом показать место Маше.

Ранним воскресным утром, едва рассвело, они доехали до окраины города на трамвае, а потом еще километра два шли степью. Просыпающийся майский день обещал быть по-летнему теплым. Марта, как молодой жеребенок радовалась свободе, теплу, солнцу, бегая по не успевшей еще засохнуть от знойных степных ветров траве, смешно взбрыкивая ногами. Она успела даже поваляться на ней, собирая божьих коровок, пока Маша рвала полевые цветы, отдыхая душой от крови, человеческой боли и страданий.

Место, отведенное под воинские захоронения, уже далеко расползлось по степи, обрасстая каждый день, как ежик иголками, строгими металлическими пирамидками с остроконечными звездами на верхушках. И если бы не небольшой срок, то вряд ли Марта смогла бы так

быстро отыскать могилу. После него уже два ряда новых захоронений темнели свежеподнятой, не успевшей обветрить землей.

На кладбище было так тихо и покойно, что, казалось, они попали совсем в другой мир, где нет ни войны, ни бомбежек, ни усталости, валящей с ног. И только майские жуки, изредка бьющиеся о металлические пирамидки памятников, нарушали эту благостную воскресную тишину.

Маша положила цветы на могилку, присела на холмик, и с полчаса недвижимо сидела, уставясь на пирамидку. И только шевелившиеся губы могли сказать о том, что она о чем-то своем беседует с Василием...

Когда уже шли обратно, Марта, уставшая от молчания, вдруг спросила:

– Маш, а почему его раздетым хоронили? Это так положено? Вот мы, когда бабушку старенькую хоронили, наоборот ее...

– Как раздетым? Ты чего сочиняешь? – даже остановилась Маша.

– Ничего я не сочиняю! – обиделась Марта. – В одном исподнем его хоронили.

И пояснила:

– В кальсонах и в рубашке нательной!

– И больше ничего? И сапог не было? – не могла поверить Маша. – Так только пленных хоронят.

– Да ничего на нем не было, говорю же тебе! – не на шутку рассердилась Марта. – Я же не слепая! – уже кричала она, пытаясь доказать свою правоту.

По госпиталю как-то ходили слухи, что вроде кто-то когда-то видел, как завхоз Михай Игнатьевич на рынке продавал воинскую форму. Но в это особо никто не поверил, потому что не пойман – не вор. А, кроме того, ему просто негде было ее взять. В связи с военным положением, вся форма была на строгом учете. Старая, в которой прибывали раненные, сдавалась по описи, и новая, которую завхоз получал через военкомат для личного состава, для выпысываемых на фронт, и даже на погребение, тоже выдавалась строго по спискам, подписанном главврачом госпиталя. А сомневаться в его честности не было оснований. Андрей Николаевич Подольский был из «бывших», оставшихся служить Родине, и слишком дорожил своим честным именем. Да и под расстрельную статью запросто можно было загреметь за такие махинации. Уже вовсю орудовал СМЕРШ (отряды особого назначения – Смерть шпионам), вылавливая диверсантов и шпионов, рыскающих по фронтам.

Маша всю дорогу молчала, о чем-то сосредоточенно думая, а когда приехали на железнодорожный вокзал, от которого рукой подать до госпиталя, она попыталась отправить Марту:

– Иди в госпиталь, а мне еще в одно место нужно сходить.

Но Марта заупрячилась:

– Я не пойду одна, города не знаю, заблужусь, – упрямо бубнила она, помня наказ Зои Петровны «приглядывать за Машей по слабости ее здоровья».

– Ну ладно, пошли, – наконец уступила ей Маша.

Они зашли в здание вокзала. Маша о чем-то спросила постового. Тот, удивленно вытаращив глаза, долго и подробно что-то ей объяснял, энергично жестикулируя руками. Потом они опять долго ехали на трамвае, но уже совсем в другую сторону, потому что сквозь дома, мимо которых проезжал трамвай, видна была Волга. Потом еще шли по незнакомым пыльным улицам. Марта уже устала, когда они, наконец, остановились у здания, очень похожего на школу в Энгельсе, в которой до войны училась Марта.

– Жди меня здесь, – строго наказала ей Маша. – Никуда не уходи, а то потеряешься.

И, поднявшись по ступенькам, скрылась за дверью.

Марта немного постояла, но усталость взяла свое, и она присела на ступеньку, прислонившись к прутьям лестничных перил. Чтобы хоть чем-то занять себя, она принялась считать,

сколько человек вошло и сколько вышло, и сама не заметила, как задремала. Разбудил ее чей-то сердитый окрик:

– Это еще что такое?!

Над Мартой стоял высокий худой человек в военной форме. Кто он по званию, Марта не поняла, потому что не разбиралась, но лицо его, с хмуро сведенными бровями, тонкими губами и красными от бессонницы белками глаз так напугало ее, что она тут же решила, что это не иначе какой-то большой начальник.

– Это со мной. – Выдвинулась из-за спины «начальника» Маша. – Сестра моя. Дома оставить не с кем, вот она мне в госпитале и помогает.

– Сестра? – подозрительно прищурился «начальник». – Только ее нам тут не хватало. Ну ладно, давайте обе в машину.

На обочине дороги их уже ждал грузовик, в кузове которого сидели четыре солдата с автоматами.

«Начальник» сел в кабину, а Маша с Мартой залезли в кузов и устроились на скамейке напротив солдат.

– Маш, а этот дядька – кто такой? – шепотом спросила Марта, на что сразу же последовал окрик одного из солдат:

– Не шептаться!

Так и ехали всю дорогу молча. Сначала Марта не понимала, куда они едут, но после железнодорожного вокзала, догадалась, что везут их в сторону госпиталя. От этого ей стало немного спокойнее.

Не доезжая до госпиталя, грузовик остановился. Из кабины вышел «начальник», и, обращаясь к Маше, приказал:

– Из машины ни шагу! – И взяв с собой двух автоматчиков, ушел в сторону госпиталя.

Через полчаса они вернулись, ведя с собой завхоза Михея Игнатьевича. Завхоз тоже залез в кузов, его усадили между автоматчиками. И опять поехали. Ехали все также молча. Марта, и без того перепуганная «начальником», ничего не понимала, что происходит, и от этого ей было еще страшнее.

Машина остановилась у самой окраины ничем не огороженного кладбища.

– Все из машины! – скомандовал «начальник». – Да поживее! Лопаты не забудьте!

– Ну, показывай дорогу. – Кивнул он Маше, когда все вылезли.

И все двинулись за Машей и Мартой, петляя между могил и невольно выстроившись в цепочку. Теперь уже Марта догадалась, что они зачем-то опять идут к могиле Василия. Но от этого ей не стало легче. Страх холодными цепкими лапами сковал все тело, которое сотрясалось, как от стужи, несмотря на то, что утреннее солнце уже палило вовсю. Похоже, что с Машей творилось то же самое. Они обе боялись даже оглянуться на своих попутчиков, насто-роженно прислушиваясь к шагам позади себя.

– Вот! – Маша указала на могилку, на которой сиротливо лежали привядшие цветы.

– Ну, смотри, – угрожающе сощурился злое серо-голубые, почти бесцветные глаза с налитыми кровью белками, проговорил «начальник». – Если не подтвердится – расстреляю на месте.

– За что? – выдохнула Маша.

– За донос. Оговор безвинного человека.

Михей Игнатьевич, словно догадавшись о чем-то, беспрестанно облизывал пересохшие губы, оглядываясь на своих конвоиров.

– Попить бы, – жалобно попросил он.

– Потерпишь.

– Копайте, – приказал «начальник», и двое солдат взялись за принесенные с собой лопаты. Земля была рыхлая, еще не успевшая осесть и обветриться. Потому работа шла споро.

Когда головы копавших солдат почти скрылись в яме, «начальник», нервно куривший, бросил папиросу и подошел к яме.

– Ну, что тут?

– Все верно, – не вынимая трупа, подтвердили солдаты, – в одном исподнем.

– Хорошо, закапывайте, – скомандовал им «начальник».

– Как закапывайте? А одеть его, как полагается? – онемевшими губами едва слышно прошептала Маша.

– Во что же я тебе его одену? Кто мне второй раз выдаст форму? – Идите, хоть землички ему в могилу бросьте, – неожиданно смягчился он.

Маша, побелевшая, как снег, на негнувшихся ногах, подошла к могиле, нагнулась, чтобы взять горсть, и вдруг упала на кучу откопанной земли и зарыдала. Марта подскочила к ней, принялась, как могла утешать.

– Любила, что ли? – сочувственно спросил «начальник», обращаясь непонятно к кому.

– Да, – ответила за Машу Марта.

– Бывает, – вздохнул «начальник» и полез за очередной папиросой. – Ну, пусть поплачет.

Неожиданно Михай Игнатьевич, стоявший между двумя автоматчиками, упал на колени и подполз к «начальнику», хватая его за сапоги:

– Товарищ майор, пощадите, Христа ради! Дети малые дома от голода пухнут. Не виноват я...

«Начальник» брезгливо оттолкнул его сапогом и зло прошипел:

– Не товарищ я тебе, гнида! Люди жизнью своих не щадят, а ты на их смертях наживаешься! Говори, гад, кому форму продавал?

– Не знаю, – трясаясь дородным телом, бился головой о землю Михай Игнатьевич.

– Говори, не то на месте пристрелю! – вытащил пистолет из кобуры «начальник».

– Не знаю я кто такие. Они меня сами нашли, сказали, чтобы форму принес, иначе убьют. А потом уже сами ко мне на барахолке подходили, и заказывали, что им надо. Грозили, что если не принесу – убьют...

– На какой барахолке?

– За театром, что на Скорбященской площади...

– Эти тоже из вашего госпиталя? – кивнул на соседние могилки «начальник».

– Тоже, – не поднимая глаз, подтвердил Михай Игнатьевич.

– И сколько же ты комплектов продал им, иуда?

– Не помню, – еле слышно прошептал завхоз...

Маша, встала, вытерла слезы, подняла букет, предусмотрительно убранный солдатами в сторону, кинула его в могилу:

– Прости, Вася, это все что я смогла сделать для тебя.

«Начальник» подозвал ее, вытащил из планшета, висевшего на боку какую-то бумагу, карандаш, что-то написал, слюнявя его:

– Как фамилия?

– Матвеева Мария Николаевна, а зачем?

– Для протокола. Распишись вот тут. А этого как фамилия?

Еще что-то записав и спрятав бумагу в планшет, «начальник» ткнул Михея Игнатьевича:

– Хватит уже тут ползать, вставай!

Завхоз с трудом поднял свое грузное тело, и прислонился к первой могильной пирамидке.

– Законом Союза Советских социалистических республик по закону военного времени Рябуха Михай Игнатьевич, как предатель Родины и немецкий шпион приговаривается к высшей мере наказания – расстрелу. – Сурово чеканя каждое слово, как по писанному, произнес «начальник», и, передохнув, добавил:

– Приговор привести в исполнение немедленно!

У Михея Игнатьевича подкосились ноги, и он опять завалился между могилками.

– Куда его, товарищ майор? – с трудом поднимая, спросили два солдата.

– Ну, не здесь же. Давай тащи к машине, там разберемся.

И снова люди цепочкой потянулись в обратную дорогу. Солдаты оттащили завхоза к ближайшей хлипкой березке, попытались прислонить его к ней. Но ноги отказывались слушаться Михея Игнатьевича, и он медленно сполз на колени, все также взывая к товарищу майору, что он не виноват. Но завхоза уже никто не слушал.

– Что с ним делать-то? – раздраженно спросил один из солдат, устав поднимать его грузное тело.

– А ничего, как жил на коленях, пусть так и смерть свою принимает – на коленях.

Целься, – скомандовал он выстроившимся в шеренгу четверем автоматчикам.

Те вскинули автоматы, и дружно клацнули затворами.

– По предателю Родины – огонь! – скомандовал «начальник», и тут же дружно затрещали автоматы...

Маша схватила Марту, и крепко прижала ее к себе, закрывая девочку от этой страшной картины.

Через пять минут все было кончено.

– Закапывайте! – приказал «начальник» и пояснил:

– Прямо здесь. Не на кладбище же иуду хоронить.

Солдаты принялись копать могилу. Степная земля, была тяжелая, вся стянутая корневищами трав и слежавшаяся, как камень. Солдаты быстро выматывались, часто сменяя пара пару. «Начальник» повернулся в сторону Маши:

– Так, а вы – раздевайте его пока!

– Как? – растерялась Маша.

– До исподнего.

– Я не могу, – попыталась отговориться Маша. Ей страшно было даже подумать, как можно прикоснуться к мертвому телу.

– Отставить разговоры! – зло прикрикнул на нее «начальник». – Исполнять приказание!

И Маша, обливаясь слезами обиды и страха, пошла исполнять приказание. Марта побежала было к ней, чтобы помочь, но Маша отогнала ее от мертвого тела:

– Уйди, не смотри на него.

Труп Михея Игнатьевича лежал ничком, и Маша, как ни старалась, никак не могла перевернуть отяжелевшее тело. На помощь ей пришли солдаты, отдохавшие от копания могилы. Машу, от вида мертвенно белого лица, с оцепеневшим ужасом в широко раскрытых глазах и замершем в последнем крике рта, замутило. Она едва успела отбежать в сторону. Ее рвало так, что, казалось, выворачивало наизнанку не только внутренности, но и всю душу. Обессиленная она села на землю. Подошел «начальник», протянул ей фляжку с водой и, словно извиняясь, сказал:

– Надо торопиться. Боюсь, барахолка разойдется.

И Маша, попив воды и сполоснув лицо, встала и безропотно взялась за дело. Марта, не выдержав, все же подошла ей помочь. Обе они старались не смотреть на завхоза и на пропитанную кровью гимнастерку. Уткнувшись взглядом в землю, Маша дрожащими руками с трудом приподняла ногу завхоза, а Марта стащила сапог. Так вдвоем, тужась и надрываясь, они стащили с Михея Игнатьевича сапоги и штаны. Попытались снять и гимнастерку, но Машу опять замутило, и она без сил упала на землю, и медленно поползла прочь.

Гимнастерку сняли солдаты, уже выкопавшие могилу.

– Складывайте аккуратно, чтобы крови не было видно, – распорядился «начальник».

Пока солдаты закапывали тело завхоза, Маша лежала ничком на земле, приходя в себя от пережитого ужаса. Марта молча присела рядом, боясь потревожить ее покой. В конце концов, она все-таки не выдержала:

– Маш, что с нами будет? Нас арестуют? – шепотом спросила она.

– Не знаю. Слава Богу, хоть живыми оставили, – взяла она девочку за руку, чтобы хоть как-то ободрить ее.

Так, не выпуская ее руки, они и ехали всю обратную дорогу.

Машина остановилась у здания с колоннами и львами по сторонам высокой гранитной лестницы. Маша узнала областной Драмтеатр, куда они до войны не раз ходили на спектакли с однокурсницами. Неподалеку от Скорбященской площади, в одном из переулков каждое воскресенье собиралась большая барахолка. Народ нес на продажу, все что имел – весь свой скорбный скарб, в надежде выручить хоть какие-то деньги на лишний кусок хлеба или обменять хоть на какую-то провизию. Потому и спешил «начальник», боялся, что народ разойдется. Тогда следующей барахолки пришлось бы ждать неделю.

– Ну что, девчата, вот ваше последнее задание: потолкаетесь с этим добром на барахолке. Глядишь, и клонут барыги, кому военная форма так понадобилась.

– А почему мы? – робко возразила Маша.

– Да потому, что моих орлов, – начальник кивнул в сторону солдат, – они враз вычислят. А вы – народ нейтральный, безопасный. Да не тряситесь вы так, мы рядом будем, не дадим вас в обиду.

Он сунул в руки вконец удрученной Маше аккуратно свернутую форму, так что от окровавленной гимнастерки видны были только погоны с одной звездочкой младшего лейтенанта, сверху положил стоптанные сапоги, и все это накрыл фуражкой. Посмотрел, бесцеремонно снял с Маши косынку, сползшую на шею, стряхнул ее, и накрыл ею весь «товар», приоткрыв только небольшую часть, отчего остались видны только носки сапог, да околыш фуражки с красной звездочкой.

– Для маскировки, – пояснил он. – Ну, все девчата, идите. А мы следом за вами. И не бойтесь ничего.

Несмотря на то, что уже время перевалило за полдень, народу на барахолке было еще много. Около огромных кастрюль, обернутых одеялами, сидели бабки торгующие пирожками, топтались уставшие колхозники с курами, гусями и яйцами. Кое-где стояли продавцы ковров, свернутыми в рулоны, сновали торговцы часами, золотом, другим мелким товаром. Здесь продавалось и менялось все: граммофоны с пластинками, книги, одежда, обувь, картины, посуда... Маша с Мартой пристроились в ряду, где продавалась одежда. К ним подошли три раза, полюбопытствовали, чем торгуют, и равнодушно отошли.

Стояли долго. У Маши уже болела спина и онемели руки от однообразной позы, да еще и Марта, которую уже не держали ноги, висла то на одной руке у Маши, то на другой, ища в ней опору. Но они не уходили, помня, что майор строго-настрога наказал им стоять на одном месте, а не мотаться по рынку. У Маши уже кончилось терпение, и она начала потихоньку оглядываться по сторонам, ища «начальника» в надежде, что он даст отбой их мучениям. И в этот самый момент к ним подошли двое мужчин. Один – чернявый, лет сорока, с небольшой бородкой, в летнем парусиновом костюме, в летних штиблетах. Второй – помоложе лет на пять, белобрысый, в картузе, брюках, заправленных в сапоги, в застиранной серой рубахе, улыбчивый и круглолицый. Обыкновенные, ничем не примечательные дядьки.

– Чем торгуете, красавицы? – спросил молодой, приподняв край косынки, прикрывающей «товар».

– О! – удивился старший при виде товара. – Откуда это у вас? – поинтересовался вроде бы равнодушно, просто для поддержания разговора.

– Из госпиталя, – сдерживая волнение, ответила Маша.

– А что же поношенное? Нового-то нет, что ли? – Разглядывая сапоги, спросил чернявый.

– Так с раненого это.

– А! – понимающе протянул молодой, – И сколько просите?

Маша растерялась, не зная истинной цены, сказала первое, что пришло на ум:

– Тридцать.

– Ну, это ты загнула красавица. Червонец, не больше цена твоему товару.

Маша, боясь, что вдруг «покупатели» начнут разглядывать товар, а обещанной помощи не видно, тут же согласно кивнула.

Чернявый протянул ей червонец, Маша, слегка помешкав, взяла его и уже протянула свой «товар», замотав его получше в косынку... И в тот же момент, возникший как из-под земли «начальник» за спиной чернявого, скрутил его протянутую за товаром руку.

Белобрысый тут же зайцем скакнул в сторону, рассыпав мешок с жареными семечками у торговки по-соседству. Но его там словно уже ждали два солдата. Они, скрутив ему руки, и зажав с двух сторон, быстро повели на выход.

Все произошло так быстро и тихо, что барахолка продолжала все так же шуметь и сосредоточенно трудиться в своем ритме, словно ничего не происходило. Только ближайшие соседи Маши недоуменно и испуганно переглядывались.

И все бы прошло замечательно, но тут вдруг «начальник» державший чернявого за вывернутую за спину руку, побелел, глаза его с неестественно светлыми зрачками заволокло белой пеленой, и он медленно осел на землю, невольно отпустив своего пленника. Чернявый не растерялся, тут же откуда-то из-за ремня выхватил пистолет и с криком:

– Ах ты, сука! – навел его на Машу.

Маша вскрикнула, и ничком упала землю, увлекая за собой Марту. От выстрела, как по команде «барахолка» с шумом начала разбегаться. Как не затоптали лежавших на земле Машу и Марту, они так и не поняли. Когда же Маша подняла голову, рядом с ней с пеной у рта бился в конвульсиях «начальник». А чуть поодаль лежал оглоушенный прикладом автомата чернявый. Два солдата растерянно топтались рядом, не соображая, что им делать с «начальником».

– Это эпилепсия, – сказала Маша, устало поднимаясь с земли, и отряхивая испачканную юбку. – Надо что-нибудь ему между зубов вставить, чтобы язык не запал. А то задохнется.

– А что?

– У него в планшете карандаш был. Только побыстрее.

Через полчаса бледный, измученный припадком, «начальник» пришел в себя.

– Вам бы в госпиталь, – склонилась над ним Маша.

– Какой госпиталь, – слабым голосом возразил «начальник», – мне бы выспаться. Третьи сутки без сна. Спасибо вам за помощь. Сами доберетесь?

– Доберемся, я местная. Ой, а деньги-то, – вдруг вспомнила Маша.

– Какие деньги? – не понял «начальник».

– Да этот вот заплатил мне, – протянула смятый червонец Маша.

– Оставьте себе. Девчонке пирожков купи. Целый день голодная.

Пока ехали до госпиталя, Марта с удовольствием уплетала горячие пирожки с капустой. Маша после всего пережитого есть не смогла. Потом они клятвенно пообещали друг другу никогда и никому не рассказывать, что произошло с ними в это воскресенье. Только Марта спросила:

– А папе можно? Ведь он же все равно никому не расскажет.

– И папе нельзя. Никому.

В госпитале свою долгую отлучку они объяснили тем, что заезжали домой к Маше. Узнать, нет ли писем от родителей или от брата.

– А у нас тут такое без вас было! – рассказала им Зоя Петровна. – Михея Игнатьевича особисты забрали!

- За что? – устало поинтересовалась Маша.
- Да кто ж их знает? Разве они расскажут...

Молчать-то они молчали, да только вытравить из памяти то страшное воскресение в мае 1943 года, так и не смогли. Наверное, поэтому эту страшную и почти неправдоподобную историю спустя семьдесят лет рассказал мне сын Марты Петровны, мой лечащий врач, посвятивший себя медицине так же, как и его мать – врач высшей категории с многолетним стажем.

07.12.2014

ЛЮДСКАЯ ПАМЯТЬ

Старость – она как зима, подкрадывается незаметно. И начинается она совсем не с артритов, остеохондрозов и других возрастных болячек, а намного прозаичнее – с зубов. И тут самое главное – попасть в руки к хорошему ортопеду. Мне в этом повезло. Я попала не просто к хорошему врачу, а к настоящему волшебнику – Дорохину Николаю Ивановичу.

И вот на одном довольно мучительном приеме, он чтобы как-то психологически отвлечь меня от болезненной процедуры, стал рассказывать о своей маме – тоже врач, но в другой ипостаси – гинекологе. По всему было видно, что он искренне гордится ей.

Жизнь Марии Николаевны, как и всего ее поколения, сложилась непросто. В июне 1941 года, когда началась война, ей было всего 12 лет. И волею судьбы она вдвоем с глухонемым отцом оказались далеко от дома и от семьи – в Сталинграде, ныне – Волгограде. Ехали из Орджоникидзе, сейчас – Владикавказ, где были в гостях у братьев отца. Добраться до дома в город Энгельс, откуда они были родом, было нереально. На фронт уже нескончаемым потоком шли военные эшелоны, а в обратную сторону – в основном литерные составы с эвакуированными заводами. При таком графике пробиться на гражданский состав не было никакой возможности. Одним словом, застряли в Сталинграде.

И получалось, что там они оказались в очень сложной ситуации, то есть пребывали на данной территории на незаконных основаниях. В Энгельсе эвакуировали поволжских немцев, как неблагонадежных, в Среднюю Азию. Получалось, что они с дочкой сбежали от нее. И попади в руки НКВД при первой же проверке, неизвестно чем это закончится. Таились, как могли. Но беда, как известно, одна не приходит – заболела Маша, кашляла не переставая. И Николай – отец, повел ее в ближайший госпиталь. «Если меня и сдадут, то, может, хоть дочку при госпитале оставят, а там, глядишь, в какой-нибудь детдом пристроят, все с голоду не помрет», – рассудил он.

На его счастье главврач не стал сдавать их в НКВД. А ведь по законам военного времени и самому врачу могли запросто пришить статью за пособничество врагам народа. Самого Николая оформили истопником, и комнатку при котельной выделили для жилья. И Маша при нем вроде как ребенок, так что без работы и, главное, голодными теперь не сидели.

Дети в войну выросли рано. Маше бы самое время в прятки да классики играть, или через скакалку прыгать, а она наравне со взрослыми стирала бинты, мыла полы, выносила судна, ворочала лежачих, выводила на прогулку неходячих. Случалось, и на операциях помогала. Где врачу что подать, где медсестрам помочь держать раненых. Наркоза в те времена не хватало, оперировали в основном на живую. Да и раненые с Машей вели себя тише. Стыдно было при ребенке свою слабость показывать – крепились, как могли. А раненые поступали в госпиталь нескончаемым потоком. Иногда казалось, что их везли не только со Сталинграда, а со всех концов Земли.

С приближением фронта к Сталинграду эвакуогоспиталь постепенно дислоцировался в сторону Кавказа. И тяжелее всего пришлось уже в Адыгее, где зимой 1942-43 года оказался госпиталь. Немецкое командование вместо того, чтобы направить свежие силы на поддержку Гудериана в Сталинград, решило, что в этой ситуации важнее перебросить их на Кавказ. Это было своеобразной шахматной комбинацией. Отдав в жертву одну существенную фигуру, решили выиграть в большем.

Почему-то историки мало говорят о битве за Кавказ, хотя она была не менее ожесточенной и значимой в переломе войны, чем Сталинградская или Курская битвы. В совокупности со Сталинградом Кавказ являлся одним из стратегически важных объектов. Немцы рвались

к нефти, которая нужна была им как воздух. Ее катастрофически не хватало для содержания танковых и воздушных сил. Европейской нефти для разраставшейся армии уже не хватало.

Именно тогда Маша и поняла, что значит «земля горит под ногами». Эвакогоспиталь, в котором работала Маша, находился в непосредственной близости от линии фронта. Бои шли такие ожесточенные, что поезд и машины не успевали развозить раненых по госпиталям. Работали, как говорится, прямо с колес, то есть подбирали раненых иногда прямо с поля боя. Санитарок не хватало, и Маше, которой к тому времени было всего 13 лет, приходилось вместе с санитарками не только грузить раненых в санитарный поезд, но и выносить их прямо с поля боя. Каждая такая поездка превращалась в кромешный ад, где в один непрерывный гул сливались стоны и крики раненых, надрывный рев самолетов, взрывы бомб, треск пулеметов, автоматные очереди, вой сирен. Больше всего на свете хотелось заткнуть уши руками, и ничего не слышать. Ну, хотя бы на одну минутку, только чтобы не оглохнуть. Но времени даже для этой минутки не хватало. Освобождение Кавказа Маше запомнилось на всю жизнь.

Сразу после освобождения Кавказа в феврале 1943 года, Николай перебрался в Орджоникидзе к братьям. А Мария...

Мария, взрослея среди страданий, боли, крови и смертей, уже и не представляла другой жизни вне госпиталя. Сердцем и душой прикипела к нему, и так и осталась при нем до самого конца войны.

Но когда-то всему в этой жизни приходит конец. Так и война, которой, казалось, не было ни конца, ни края, победоносно закончилась. Постепенно на смену эйфории торжества и радости пришла растерянность: «Как жить дальше?». Воинские части расформировывались, а с ними за ненадобностью сокращались и госпитали.

У многих фронтовиков росло непонимание и обида. Им казалось, что они – прошедшие сквозь горнило огня и страданий теперь до конца жизни будут ходить в героях и купаться в лучах славы. Оказалось, что не все так просто. Надо было перестраиваться, начинать новую, непривычную жизнь, в которой многие фронтовики не находили места, чувствовали себя незаслуженно обделенными. Так и Мария не понимала, почему после всех чествований и красивых речей в честь победителей, ей так и придется на всю жизнь оставаться санитаркой? Помог главврач госпиталя.

– Давай-ка, милая, поступай в мединститут, – посоветовал он. – Ты уже в медицине не меньше меня понимаешь.

– Да я и школу не закончила, сами же знаете. – Засомневалась Мария.

– Я тебе такую рекомендацию напишу, что тебя и без всякого образования возьмут. Да и от Правительства вышло постановление, чтобы фронтовиков, желающих учиться, брали без экзаменов, по собеседованию.

– А учиться-то как? – растерялась Мария. – Ведь я что знала, и то все позабыла.

– Ничего страшного, в мединституте ни математики, ни физики не надо знать. Читать и писать, я думаю, ты еще не разучилась, – хитро улыбнулся он, – ну, а остальному научат. Не легко, конечно, тебе придется. Но ты у нас девушка сильная, я думаю, справишься. Фронтная выучка поможет. Воспользуйся шансом, такого потом может и не быть. Тем более что наш госпиталь скоро расформируют. Поезжай-ка ты к отцу в Орджоникидзе, я думаю, здесь тебе делать больше нечего.

И когда летом 1946 года 17-летняя Мария в выцветшей гимнастерке и кирзовых сапогах с письмом от главврача предстала перед ректором мединститута в Орджоникидзе, ее без всяких проволочек зачислили в студентки.

Сказать, что учиться было трудно, это не сказать ничего. Было невыносимо трудно. Сказывалась нехватка общих знаний. Многие предметы давались Марии только с зубрежкой. Иногда, особенно на первых курсах, казалось, что в госпитале на фронте, и даже в Адыгее было несравнимо легче. Были моменты, когда Марии хотелось все бросить и заняться своим при-

вычным с детства занятием – пойти в санитарки при какой-нибудь больнице. Но мечты, как она будет идти по улице с гордо поднятой головой, а за спиной у нее будут перешептываться «Это наш врач!» останавливали и словно толкали ее: «Ты должна, должна, ты сможешь»...

После окончания института Марию направили работать в далекую и незнакомую Калужскую область. И снова новая жизнь, новые люди, новые обязанности. Но уже не было страха перед неопределенным будущим. Уже появилась уверенность в себе, в своих силах, в своей востребованности стране, людям. И греющая душу гордость за себя, что она, совсем недавно полуграмотная девочка смогла сама всего добиться в этой нелегкой жизни. Ведь врач, учитель и инженер в те времена были чуть ли не самые главные люди в стране, ну, если не считать правительства.

Из отдела здравоохранения по Калужской области Марию направили в райцентр Ульяново под Козельском, где ей, как специалисту, сразу предоставили помимо работы еще и жилье. Недолгое время Мария жила в комнатке при райбольнице, а чуть позже ей дали дом. Это был обычный деревенский дом с печкой и со всеми удобствами на улице. Но сколько же было счастья и гордости! Свой дом! Первый в ее жизни! Заработанный своим трудом! А к дому еще и земля, где можно разбить огородик. И даже курочек завести можно. Но самое главное – работа! Такая жизнь Марии и во сне не снилась! А что еще нужно было советскому человеку для счастья?

И Мария работала. И не просто работала – горела на работе. Она вся, без остатка отдавалась ей. Работала так, как привыкла на фронте – не за страх, а за совесть. Как была приучена с детства, что если за что-то берешься, то надо сделать это не просто хорошо, а так, чтобы, как говорится, «комар носа не подточил». И хотя по специальности она была врачом гинекологом, но в экстренных случаях, когда любое промедление могло стоить жизни, одна, без хирурга проводила операции. Не боялась ответственности, ни на йоту не сомневалась в своих силах и способностях, когда вопрос касался жизни и смерти человека. Врачей не хватало, и нередко Мария заменяла и терапевта, и хирурга, и всех остальных специалистов. Одним словом, работала так, что уже в 1956 году ее назначили главным врачом Ульяновской райбольницы.

Тогда же Мария вступила и в ряды КПСС. И новый пост обязывал к этому, и, видно время подоспело. До этого она и сама хотела, но все не решалась, считала, что в партию принимают только самых достойных, особенных людей, героев. А что она? Она, как и все в то тяжелое время, считала, что делает то, что было необходимо стране. И не больше. Просто работала, как могла. А могла чаще всего до изнеможения. И совсем не понимала, как это ее медсестры могли устраивать посиделки с чаем в рабочее время, или просто сидеть и болтать, за что им нередко доставалось от Марии Николаевны по полной.

Медсестры откровенно побаивались ее за этот контроль и, если честно сказать, недолюбливали. А со старшей медсестрой, которой Мария Николаевна не раз выговаривала за ее «разболтавшихся» подчиненных, сложились не самые дружеские отношения. Старшая медсестра считала, что Мария Николаевна «перегибает палку», и как могла, защищала своих медсестер, и что нельзя так жестко относиться к людям. Ведь сейчас уже не война, а мирное время, и со своими обязанностями медсестры вполне справляются. Но Мария Николаевна никак не могла перейти на мирные рельсы. Правда, со временем, они со старшей медсестрой все же смогли найти общий язык.

Со вступлением в партию, к работе и домашнему хозяйству прибавились еще и общественные нагрузки: бесконечные партийные заседания, районные и даже областные партийные конференции. Мария ничего не могла делать спустя рукава. И к партийным делам отнеслась с таким же рвением, как и к основной работе. Ритм жизни ускорился настолько, что подчас не хватало сил. Казалось, что вот-вот и она больше не выдержит. Но приходило утро, и Мария, как стойкий оловянный солдатик, вставала и шла на работу. Откуда брались силы на все, она не задумывалась. Просто самым главным словом в ее жизни стало слово «надо».

К этим обязанностям прибавилось еще и то, что теперь она, как главврач, стала наставницей для интернов, направляемых в Ульяново после окончания институтов. Мария старалась заменить каждому молодому врачу если уж не мать, то хотя бы старшую сестру. Старалась, чтобы каждый врач в ее больнице нашел свой родной дом, как она когда-то. Опекала их, заботилась о каждом, чтобы были обеспечены жильем, дровами, углем, чтобы не ходили голодные. Знала о каждом практически все, старалась помочь и советом, и материально. Как в работу вкладывала все силы, так в молодых врачей вкладывала всю свою душу.

Медицина не всегда благодарное дело. Случались в больнице у Марии и такие случаи, когда кому-нибудь из молодых врачей грозило судебное разбирательство. От ошибок никто застрахован, тем более в медицине. И если такое случалось с ее интернами, Мария безоглядно бросалась на их защиту, бегая по райздраву, облздраву, партийным организациям всех калибров, чтобы выручить, не дать в обиду, не сломать начинающуюся жизнь. Одним словом, носилась со своими молодыми кадрами как клушка с цыплятами, подчас забывая о своей семье. Приезжали интернами, разлетались опытными квалифицированными врачами. И в этом была заслуга Марии Николаевны.

И каждый, кто уезжал, клятвенно обещал никогда не забывать о том, что она для них сделала, не терять с ней связи, писать.

А Марии Николаевне опять приходилось идти в райздравотдел, просить, чтобы к ней в больницу прислали врачей, жаловаться, что не хватает специалистов...

– А зачем же Вы их отпускаете? – негодовали чиновники. – Обучаете, и отпускаете, обучаете и отпускаете. Да на Вас никаких врачей не напасешься!

– Ну как же иначе? – не понимала их Мария Николаевна. – Все рвутся домой, к своим мамам, к родне. Это же так понятно. А потом, не все ли равно, где эти врачи принесут пользу? У нас пока еще одна страна, и квалифицированные врачи нужны везде.

– Но вот вы-то сами никуда же не собираетесь уезжать?

– Нет, не собираюсь. Просто по одной причине – мне некуда ехать. Вся моя семья здесь – в Ульяново.

А вот с семьей у Марии не все задалось, как хотелось бы. В райкоме партии, где Марии часто приходилось бывать по служебным делам, она и встретила, как ей тогда казалось, свою судьбу. Полный энергии и партийного задора, молодой парень сразу понравился Марии. Главное, что она увидела в нем не только любимого, друга, но и соратника. Иван, окончивший Высшую партийную школу, обворожил ее своей серьезностью, основательностью. А еще – совершенным знанием истории партии, рассуждениями о партийной жизни. Она смотрела на него с восхищением. Еще бы такой красивый, умный, обходительный. И, главное, надежный, как ей тогда казалось. Они с неподдельным интересом обсуждали партийные заседания, конференции. Он, как и Мария, душой горел на своей работе. Именно таким Мария и представляла себе своего будущего мужа. В общем, как говорится, они не столько смотрели друг на друга, сколько вместе смотрели в одном направлении, и их путеводной звездой была коммунистическая партия Советского Союза. Как говорили в те времена: «Нам денег не надо – работу давай, нам солнца не надо – нам партия светит!»

Дело молодое, и очень быстро все разрешилось свадьбой. В 1957 году Мария родила девочку, а в 1963 еще и мальчика. Тогда же, в 1963 году умер отец. И словно порвалась какая-то ниточка, связывающая Марию с войной. Словно что-то отпустило ее, стало забываться, уходить в прошлое все, что было связано с ней. Даже сны о госпитале перестали сниться. Очень тяжело пережила Мария эту потерю. Ведь это, по сути, был самый родной для нее человек. И когда в том же году родился сын, она назвала его в честь отца – Николаем.

Казалось бы, что все идет как надо, своим чередом. Но в жизни все оказалось далеко от того идеала, который представлялся Марии. Иван все чаще и чаще после бесконечных проверок партийных руководителей колхозов и совхозов и обязательных застолий после них стал

возвращаться домой затемно и в изрядном подпитии. Постепенно эта система вошла в норму. А потом эти бесконечные возлияния уже вошли в систему и без проверок, и даже безо всякой на то причины.

И в конце концов терпению Марии пришел конец. Конечно, это решение пришло не сразу и далось нелегко. Но Мария, к тому времени перепробовавшая все: и мольбы, и уговоры, и предупреждения, все же решилась на развод, хотя в те годы развод считался делом не то чтобы просто редким, но и постыдным. Тем более для пары такого масштаба в районе. Оба люди видные – он – партийный работник, она главврач районной больницы! Сколько пересудов и оговоров пришлось пережить Марии, сколько слез пролить, знали только бессонные ночи, да самая близкая подружка – подушка. А показывать свою слабость, или, хуже того – жаловаться, Мария не была приучена с детства. Так и жила теперь одна с двумя детьми на руках, забываясь только в своей работе.

Тем временем мирная жизнь понемногу налаживалась, население Ульяново с каждым годом увеличивалось. Районный центр стал приобретать облик города. И в районной больнице, которую когда-то приняла Мария, стало тесно. А в 70-е годы уже остро встал вопрос о полной реконструкции больницы. И эта задача тоже легла на плечи Марии, с которой она, надо сказать достойно справилась. Впрочем, как и со всем, за что бы она ни бралась. Правда, чего это ей стоило, тоже мало кто догадывался. Надо было и по кабинетам начальства бегать – выбивать материалы, и рабочих контролировать, чтобы делали все на совесть, и сторожей проверять, чтобы не разворовали стройматериалы. В общем, забот, кроме медицинской практики, от которой ее никто не освобождал, хватало. Иногда приходила с работы, и сил хватало только на то, чтобы спросить детей голодные они или нет. А если даже и были голодные, то единственное, что она могла предложить им:

– Ну, поешьте что-нибудь сами.

И просто-напросто отключалась.

Так и жила, всю жизнь, как на фронте. А потом дети как-то незаметно и неожиданно выросли. Сын уехал в Москву, поступил в военное училище, но потом все же понял, что это не его. И решил идти по стопам мамы – поступил в медицинский, о чем ни разу за свою жизнь не пожалел. И теперь он врач-стоматолог высшей категории. Дочь тоже уехала в Подмоскovie, вышла замуж, стала жить своей жизнью.

А Мария Николаевна до 1984 года проработала главврачом районной больницы в Ульяново. А потом еще четыре года не могла расстаться со своим вторым домом – работала врачом-гинекологом. И только в 1988 году, когда силы были на исходе – ушла на заслуженный отдых.

Распад Советского Союза Мария Николаевна приняла, как личную ни с чем не сравнимую утрату. Было нестерпимо больно от сознания, что, пройдя все круги ада, в одночасье она потеряла все, чем дорожила, чем многие годы жила, чем искренне гордилась и во что безоглядно верила. И от партийного билета не отказалась, не сдала его, как это сделали многие в те времена. Так и умерла убежденной коммунисткой.

Умерла Мария Николаевна в своей родной больнице в 2018 году. В стационаре по уходу за пожилыми, всего в шести метрах от отделения, где она провела ни одну сотню операций. Можно сказать, что на своем рабочем месте. Проститься с Марией Николаевной пришло много народу. Пришли и бывшие пациентки, и медсестры, которые когда-то считали, что она незаслуженно строга с ними. А старшая медсестра даже написала душевную заметку о ней в районную газету. И только врачи, о благополучии которых Мария Николаевна когда-то пеклась больше, чем о своих детях ни один не приехал. Многие из них давно поразъехались из районной больницы. Кое-кто из них даже стали столичными светилами и, надо признать, не без помощи Марии Николаевны. Ведь это она когда-то дала им путевку в жизнь. Но почему-то никто из них не нашел времени приехать проститься со своей первой наставницей. Что это? Короткая

память, людская неблагодарность, или показатель нового времени, когда каждый только сам за себя, и когда напрочь позабыты постулаты прежней жизни: «Человек человеку – друг, товарищ и брат»? И что же такое должно случиться с нами, чтобы мы все очнулись от нашей новой жизни и вспомнили, что мы в первую очередь люди и должны оставаться ими несмотря ни на какие времена? Помнить добро, быть благодарными, не забывать, что такие понятия как совесть, порядочность, любовь, преданность – останутся вечными на все времена.

Мария Николаевна прожила жизнь как на фронте, «не щадя живота своего», отдавая всю себя любимому делу. Может быть, она из-за своей приверженности делу, и не дала детям любви, ласки и нежности, но так ее учила суровая школа войны и последующей жизни, когда все силы были брошены на восстановление страны. Лишенная детства и материнской заботы, она впитала все качества той эпохи – преданность и служение делу коммунизма. Другой жизни она себе просто не представляла. И, наверное, если бы Мария Николаевна жила по-другому, она не смогла бы вырастить достойных детей. Потому что самый лучший воспитатель – это не недостаток, не излишняя жалость и сюсюканья, не строгость и наказания, а только личный пример. И даже если ее дети, когда уже давным-давно сами стали мамами и папами, думают, что их мама мало уделяла им внимания, пусть не обижаются на нее. Она научила их главному в этой жизни – безоглядному трудолюбию, и главное – никогда и ни на кого не надеяться, кроме, как на самих себя.

Обидно, что, только по-настоящему осиротев, мы начинаем понимать, как часто мама оказывалась права, как мало мы прислушивались к ней, и как порой нам не хватает ее понимания и поддержки. А главное – как много добрых слов мы бы ей сейчас сказали, если бы только могли.

07.01.2022

ПЛАТОЧЕК

Петрушу забирали на Покрова. Ночами прихватывали слабые морозцы, а днем все раскисало. Только кое-где на полях редкими проплешинами уже белел снег. С Петрушей на фронт уходили еще пятеро ребят из деревни. Председатель – Иван Никифорович пожалел ребят, и чтобы не месили семь километров грязи до райцентра, выделил им колхозную полуторку. Провожать ребят к сельсовету собралось все село. Пока председатель говорил напутственную речь, Мария еще как-то держалась. Правда слезы сами собой текли и текли из ее уже ничего не видевших глаз. А уж когда Иван Никифорович скомандовал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.